

- ⁴ Milewski T. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław etc., 1969, 216.
⁵ Там же 11—13.
⁶ Fleischer W. Der Eigenname als sekundäre Benennung. — XV. Internationaler Kongreß für Namenforschung. Karl-Marx-Universität, Leipzig, 13—17. Aug. 1984. Resümee des Vorträge und Mitteilungen, 5.
⁷ Абаев В. И. Тюркские элементы в осетинской антропимии. — В кн.: Теория и практика этимологических исследований. М., 1985, 23 и сл.
⁸ Milewski. Op. cit., 161.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**-smegnŋti/-smegnŋti*, **marati*, **o(b)poKa*)

-smegnŋti*/-smegnŋti*

В части славянских диалектов засвидетельствованы образования с корневой морфемой *smeg-*: др.-рус. *смѣглии* 'смуглый, темный, черный', *осмѣнѣти* 'почернеть', *прѣсмѣгнути* 'высохнуть, запечься' (Срезневский III, 452; II, 730, 1693), рус. диал. *смяглый* 'смуглый', *пересмягнуть* 'о губах; обветреть, разболеться от воздуха, дорогой в поле, на охоте и покрыться смогаю, гноеватой слизью', *осмягнуть* 'поблекнуть, завянуть, обветреть' (Даль³ II, 1814; III, 207), блр. *засмягнуть* 'завянуть, высохнуть', чеш. *osmahlý* 'загорелый', словац. *zasmáhly* то же (Фасмер III, 695). Этот ряд соответствий дополняет словен. диал. *prismegniti* 'высохнуть (о растениях)'¹ с не совсем ясным корневым вокализмом: для *e* в корне одинаково возможно развитие из *ę* и *e*. Севернославянские образования с назальным элементом в корне, с одной стороны, соотносятся со слав. **smaga* (ср. др.-рус. *смага* 'огонь, пламя; сухость, жар', словен. *smāga* 'смуглая кожа', с.-хорв. *smag* 'слабость, головокружение от голода', чеш. *smaha*, *smāha* 'жар, зной, ожог' и т. д. — Фасмер II, 682; Skok III, 290)², а с другой стороны, для них допускается возможность чередования со *смуглый*. В ряду предполагаемых отношений **smeg-*: **smuga* : **smaga* наибольшие трудности вызывает корневой вокализм, не сводимый к какому-то одному типу чередований. И это обстоятельство побуждает усомниться в правильности традиционного сопоставления. При сближении слав. *smaga* с продолжениями основы **smuga* < и.-е. **smoug-* (ср. рус. *смуглый*, англос. *smocian*, *sméocan* 'дымиться', англ. *smoke* 'дымить', нов.-в.-нем. *schmauchen* 'дымить, курить' — Фасмер III, 683) корневое *a* объясняется влиянием семантически близкого глагола **pražiti* 'сушить, поджаривать', **pragnŋti* 'изнывать, жаждать', но такому объяснению, как отмечает Фасмер, мешает форма со ступенью чередования *o* - **smogorъ* с суф. -*orъ*³: ср. словен. *smogór*, *smogur* 'сучок, нарост на ветке; смоляной наплыв на ели; сыпь на лице' (Pleteršnik II, 520), с.-хорв. *smogor* 'лучина (сосновая или еловая)' (RJA XV, 755; Лица), хорв.-кайк. *smògur* 'сосна, рождественская елка' = *smogòr*

‘ель’ (Skok III, 293), н.-луж. *smogor* ‘торф’, польск. диал. *smogorz* то же (Варшавский словарь VI, 242), рус. диал. *смогарье* ‘лучина; сосновые корни, с которыми ночью лучат рыбу’, с другим суффиксом — *смоголь* ‘смола’⁴ и т. д. Родство слов *смага* и *смуглый* пытаются обосновать ссылками на отношение рус. *хмура* и *хмара* (Преображенский II, 340). Но в случае рус. *хмура* и *хмара* не может быть речи об особом чередовании нерегулярного типа, поскольку форма слав. **xmara* обязана контаминации **xmuira* и **mara* (ЭССЯ 8, 42—43). Все эти обстоятельства создают непреодолимые препятствия на пути сближения слав. **smaga* и **smuga*. Не меньше затруднений связано с отождествлением **smuga* и **smęg-*; слав. **smuga* и соответствующие балтийские и германские образования не дают основания для реконструкции исходного назального элемента в корне⁵. Чтобы обосновать родство слав. **smaga* и **smęg-*, предполагают для **smęg-* развитие экспрессивной палатализации или контаминацию **smaga* и **mękьkь*. Махек⁶, следуя принципу семантического тождества, сопоставляет слав. **smaga* с нем. *schmachten* ‘изнемогать от жары, жажды’ (<и.-е. **smög-* + *t*) и таким образом исключает родственные отношения между интересующими нас словами. Все эти сложные и мало-правдоподобные объяснения снимаются, если предположить, что носовой гласный обязан своим происхождением вторичной назализации. Славянские языки знают немало примеров с развитием вторичного назального элемента в корне: ср. **snub-* : **snqb-*, **struka* : **strqkь*, **strupь* : *strqpь* и т. п.⁷ С допущением вторичной назализации названные славянские слова получают закономерное объяснение как члены апофонического ряда *e : o : a*. Глаголу с исконным корневым *e* **-smegnqti* соответствует имя с регулярным для этого типа образований вокализмом *-o* **smogorь*, на базе последнего складывается основа с долгим гласным — **smaga*. В словаре Махека (Machek² 559) для слав. *smaga* приводятся точные балтийские соответствия: лит. *smogos* ‘сухость во рту, жажда’, *smogoti* ‘покрываться струпами от жары, зноя’, ‘высушивать’, *mano lūpos nustumogojusios* ‘губы потрескались’ (см. еще Fraenkel 848).

В свете всего сказанного можно с достаточной определенностью предполагать для праславянского языка этимологическое гнездо с чередующимися основами **smęg-* : **smog-* : **smaga*. Балтийские языки сохраняют лишь отдельные звенья этого ряда, а именно продолжения основы **smaga*.

**marati, *mariti*

Ареал слав. **marati* и **mariti*, функционирующих в основном с отрицанием *ne*, ограничен в основном южнославянскими языками: болг. (Геров) *máръж*, *-иш*, *ne marъж* ‘пренебрегать, нерадеть’ с производным от него прилаг. *немаръжълий* ‘нерадивый, неосторожный, небрежный, неосмотрительный’ (Геров 3, 51, 262), макед. *немарен* ‘невнимательный’ (Гонески I, 488), с.-хорв. сев.-зап. *marati*

(с XVII в., RJA VI, 469: Белостенец, Стулли с пометой «у кайкав. автора»), *mārīti*, *mārim* 'сигаре, заботиться, хлопотать' (с XV в., RJA VI, 477), чакав. *mōrlt*, *mōrin* то же (Hraste—Šimunović 563), *mārīti se* то же⁸, прилаг. *mārљив* 'заботливый, diligens' (Вук), словен. *mārati* 'заботиться, наблюдать' (ср. *ne mara zanj, nič ne mara za kaj*), прилаг. *māren* 'пекущийся о своей чести; точный, внимательный, усердный', *nemāren* 'невнимательный, небрежный, неопрятный, гадкий, мерзкий' (Pleteršnik I, 551, 690). Ближайшее окружение образуют отглагольное имя **marъ* (с.-хорв. *mar* 'забота', словен. *mār* то же), наречие со значением 'лучше, охотнее, предпочтительнее', представляемое словен. *mār*, *māri*, с.-хорв. *mar* (ср. *Ca eu na slami ležat? Sad mar da sidim* — RJA VI, 466—467), хорв. *mār bi spā* (Skok II, 375). Корневая морфема *mar-* участвует в образовании местоимений *mārsikaj* 'кое-что, многое, разное', *mārsikdaj* 'иногда, часто' и т. д. Архаичное редуцированное образование *мр̄морити* со значением 'заботиться' отмечено Вуком в песне: *Мрамори ми претила ђогина / И даји му бјелице шенице*.

Всеми единодушно отвергается старое, принадлежащее Миклошичу объяснение ю.-слав. *mar-* из др.-в.-нем. *māri*, *umāri*, др.-в.-нем. *moere*, *ummaere* 'нелюбимый, бесценный, безразличный' (Miklosich 183). Можно считать общепринятым истолкование южнославянских образований в рамках этимологического гнезда с и.-е. **(s)mer-* 'заботиться', т. е. в одном ряду с др.-инд. *smarati* 'помнить, думать', авест. *marā'ti*, *hišmarā'ti* 'заметить, приметить', лат. *memor*, *memoria* 'память', др.-лит. *merėti* 'печалиться, грустить' (ср. Pokorný I, 969; Berneker II, 22; Skok II, 37; Bezlaј II, 166—167). Южнославянские глаголы рассматриваются исключительно в индоевропейском окружении без учета некоторых типов словообразовательно-морфонологических отношений, существенных для этимологизации глаголов этого типа. В славянских языках для ряда глаголов прослеживается параллелизм двух основ на *-iti* с корневым *o* и *ō*: ср. **toriti* — **tariti*, **zoriti* — *zariti* и т. д.⁹ Есть все основания думать, что параллелизм того же типа объединяет слав. **mariti* и **moriti*. Параллельные основы с корневым *o* и *ō* являются хронологически различными образованиями: на базе исходной основы *moriti* с апофоническим *o* складывается новая основа с вторичным удлинением корневого гласного *mariti*. Для итератива на *-ati* не исключается производность от основы на *-iti* с огласовкой *o* (ср. **tariti* и производное от него польск. *tarzać*, *tarać*). Заметим, что генетическое единство с.-хорв. *marati* и *moriti* предполагается в Загребском словаре (RJA VI, 467; s. v. *mār*), а др.-лит. *merėti*, традиционно рассматриваемое в ряду продолжений и.-е. **(s)mer-*, в словаре Френкеля определяется как родственное глаголу *mir̄ti* 'умирать' (Fraenkel 457).

Что касается семантической стороны, то разрыв между значениями 'умирать' и 'заботиться, хлопотать' вполне преодолим, если принять во внимание диал. словенские конструкции типа

mreti za čim, mreti po kom (čim) со значением 'сильно желать, тосковать, томиться' (Pleteršnik I, 610). Значение 'заботиться, хлопотать' предстает как результат семантического перехода 'умирать' > 'сильно желать' > 'заботиться, хлопотать'. Сходным образом происходит становление значения др.-лит. *merėti* 'печалиться'. В этом же семантическом ряду получает объяснение польск. *marzyć* 'мечтать' < 'хлопотать'.

Слав. **marati/mariti* можно считать морфологической и семантической инновацией славянских языков.

**o(b)poка*

Обращаясь к рассмотрению слав. *o(b)poка*, мы хотим привлечь внимание к тем аспектам семантики, которые не были учтены при этимологизации этого слова. В недавних опытах этимологического изучения слав. **o(b)poка* (имеются в виду прежде всего этимологии А. Е. Супруна, Ж. Ж. Варбот, В. Борыся¹⁰) пересматривается и признается семантически необоснованной старая этимология Миклошича, согласно которой славянское слово с восстанавливаемым для него первоначальным значением 'каменный очаг' считается производным от глагола **ol-pekti* (Miklosich 235; ср. также Преображенский 653; Фасмер III, 145; Brückner 380; Skok II, 628). В новой версии упор делается на устойчивое употребление славянского слова в качестве обозначения известняка. Таким образом, в качестве основного, этимологически значимого принимается значение 'известняк', и из этого значения выводится, с одной стороны, значение 'меловая скала, камень', а с другой, 'материал для литейной формы' > 'литейная форма как рама'. Для более отдаленного, периферийного рус. *опока* 'иней' в работе А. Е. Супруна предполагается исходное значение 'мягкая, светлая (белая) горная порода'. При обосновании нового этимологического решения обращается внимание на параллелизм форм с корневым *o* и *u*: с одной стороны, ц.-слав. *опока* 'скала, камень', словен. *oroка* 'вид известняка', а с другой, с.-хорв. *орика* 'черепица, кирпич', чеш. *орика* 'известняк, камень, который легко крошится и основным элементом которого является глина, мергель', ст.-чеш. 'скала, утес', словац. *орика* 'скала, состоящая из глины и известняка: известняк, смешанный с глиной и песком', укр. *опука* 'скала, камень, особенно из известняка'. Махек, исходя из данных чешского и словацкого языков, признавал древнейшей форму с корневым *u* — *орика* и связывал эту форму с глаголом *орикати*, предполагая развитие *o* в *орока* по ассимиляции гласных (Machek² 416). Принимая это объяснение, А. Е. Супрун обращает внимание на глагол **pokati* (ср. блр. *покацца* 'трескаться, раскалываться') и его вариант с корневым *puk-* (ЭСБМ I, 128—129), а В. Борысь, развивая эту идею, полагает, что семантика и структура славянских слов не мешает тому, чтобы проинвестировать их от глаголов с корневыми *o*, *u*, *o*, связанных между собой отношением вариантности, т. е. **pokati* : *pokati* : *pukati*. Слав.

o(b)roka этимологически толкуется как обозначение камня непрочного, легко разрушающегося. Совершенно новое осмысление морфологической структуры слав. **oroка* предложила Ж. Ж. Варбот: в составе этого имени вычленяется корневая морфема *or-* < и.-е. *ǃr-* 'вода' (слав. **арьно/варьно*) и суф. *-ока*. Предполагается, что значение 'известняк' этимологически выражено как *'(находящийся) у воды', *'(связанный с водой)'. Такое понимание этимологического значения *oroка*, как считает Ж. Ж. Варбот, имеет не только естественно-научное обоснование (известняк является одной из горных осадочных пород, образование которых связано с разрушительным действием воды), но и мифологическое: скифское имя богини земли *Ари* (ср. скиф. *ǃr-* 'вода') считается близкой аналогией этимологическому значению слав. *oroка*¹¹. В одной из недавних работ В. В. Мартынова несколько иначе осмысливается отношение слав. *oroка* и иран. **araka* (**ǃr-* 'вода'): слав. *oroка* рассматривается как иранский ингредиент в праславянском¹².

Как видим, в новых этимологических решениях отталкиваются от обозначения горной породы, от свойств горной породы, именуемой словом **o(b)roka*. В поисках внутренней формы ориентиром служат, во-первых, физические свойства известняка (способность легко разрушаться), а во-вторых, условия образования этой горной породы (связь с водой).

Продолжения слав. **o(b)roka* семантически однородны. И хотя «горное» значение доминирует в славянских языках, все же оно не покрывает всей семантики этого слова: остаются еще некоторые специфические значения, слабо выраженные, сохранившиеся лишь в отдельных диалектах. Как правило, они не привлекают к себе должного внимания при этимологизации слав. **o(b)roka*. Подразумевается, что все то, что остается за вычетом «горного» значения, является поздней семантической инновацией отдельных славянских диалектов. А между тем именно эти «негорные» значения требуют к себе особого внимания, потому что в них заложены признаки, которые, как нам представляется, и мотивируют становление «горного» значения, ставшего основным для слав. **o(b)roka*. В наиболее полном виде семантику слав. **o(b)roka* представляют русские диалекты. В словаре В. И. Даля находим следующее описание этого слова: *опока* — 'меловой известняк; известковый суглинок; белая сыроватая глина для обмазки щелей в избе; особ. мергель, глина для отливки чугуна, меди', арх. — мез. 'алебастр', 'мягкое и рыхлое вещество вообще, пушина'. 'иней на деревьях, косматая изморозь', твер. 'ивень', ср. густая *спока* (на деревьях) к урожаю овса; *опоковая* калыпь, *опоковый* 'ляк. форма для отливки'. Для понимания внутренней формы этого слова особенно важно следующее описание: «*Опока* садится на деревья, когда отпустит, после сильных морозов: сырость воздуха мерзнет на промерзлом дереве, налипает, *опокает* его; вязкая глина, *опока*, пристаёт к сошнику и заступу, липнет или *опокает*. *Опочник* — *опоковый*, *опочный* камень, мергель, торф» (Даль²

II, 681). Следовательно, *опока* — это не только камень, известняк, но и вязкая глина, иней, мягкое, рыхлое вещество — все то, что оседает, образует покрытие, внешний слой, отложение. При определенных атмосферных условиях, особенно при резком перепаде температуры, вода, содержащаяся в разных веществах, а также в воздухе, застывает, и в результате образуются наросты на поверхности, затвердевшее покрытие. В некоторых диалектах слово **o(b)рока* имеет еще одно значение — ‘торф, торфяное болото’: ср. рус. диал. *опочник*, кашуб.-словин. *орока* ‘болото, торфяник, преимущественно у моря’ (Sychta III, 326). Значение ‘торф’ не противоречит общей исходной семантике слав. *o(b)рока* ‘осадок, отложение, покрытие’, напротив, оно согласуется с этой семантикой и определяется ею: по своей природе торф — это пласты плотно слежавшихся, сплетенных болотных растений, корней, моха (ср. рус. диал. название торфа — *коренник*, Даль² II, 163), это то, что затягивает, покрывает топкое, вязкое болото. Хотя вода и участвует в процессах, которые приводят к появлению разного рода отложений, все же, как нам представляется, не связь с водой определяет и мотивирует обозначение результатов атмосферных процессов. Анализ «негорных» значений слав. *o(b)рока* подтверждает правильность старой этимологии, принадлежащей Миклошичу: слав. *o(b)рока* мотивируется глаголом **pekti* в сочетании с приставкой *ob-* в значении ‘вокруг, со всех сторон’. В известном смысле семантической параллелью к отношению слав. *o(b)рока* < *o(b)pek-* может служить рус. *накипать, накипеть* ‘образоваться, скопиться от кипения; скопиться, осесть (от кипения)’ и *накипь* ‘что накипело, образовалось, отделилось от кипения; пена и клочья, все, что всплывает или слегка осаждается в жидкости; твердый песчаный осадок, кора, нарост; каменные наросты в пещерах, от просачивающейся жидкости, сталактит. . .; железная гарь, шлак, окалина, которая скипается комьями в горну; снег, пристающий в сырую погоду комьями к полозьям; наледь, наслуд около ключа, родника’, сиб. *накипень* ‘лед бугром на роднике, наслуд, наслуз, намерзлые кочки, бугры’ (Даль² II, 423).

Нельзя не отметить частичное совпадение семантики слав. **o(b)рока* и другого отглагольного имени с вокализмом *e* — **pektь*. Одно из значений имени **pektь* ‘скала, камень’ (ср. словен. *rěč*) обычно связывают с тем, что первоначально печь имела форму очага, сложенного из камней. И такое объяснение вполне вероятно и допустимо. Но существует еще целый ряд значений, который, как и в случае с *o(b)рока*, вполне определенно мотивируется семантикой глагола **pekti*. Исходную семантическую базу образуют значения ‘нечто запекшееся’ > ‘вздутие’, ‘покрытие’, ‘отложение в виде песка или камней’. Результатом такой семантической эволюции можно считать рус. диал. *опечь* ‘песчаная отмель в реке’ (Элиасов 266), урал. *опёчек* ‘грудка песка, камней, намытая рекой’ (Сл. Сред. Урала II, 60) и ‘возвышение дна до уровня воды в реке, подводный холм’ (Иркутский словарь II, 90), *печина*

сланцевое жесткое дно в реке, где и якорь не забирает; уступ, припечек на дне реки, вдоль берега' (Даль² III, 109). Обращает на себя внимание тот факт, что среди топонимов и гидронимов сосуществуют однотипно построенные названия с корневыми *e* и *o*; ср. словен. гидр. *Orečnik*, с.-хорв. топ. *Opeka* при чеш. *Orožen*, словен. *Oroka*, *Voroška*¹³. В какой-то степени показательно кашуб.-словин. прилаг. *zapėkovàni* 'о тусклом, туманном ореоле вокруг луны', ср. *zis ksążęc zapėkovàni* (Sychna VII, 368).

Славянский материал дает основание предполагать, что наряду с основным обозначением известняка словом **o(b)roka*, являющимся праславянским новообразованием, существовало другое параллельное название *opuka/oporka*, произведенное от глагола *opkati/pukati*. Это новое название, сложившееся не без влияния слав. **o(b)roka*, передает одну из наиболее заметных особенностей известняка — способность легко разрушаться.

Примечания

- ¹ Slovarski doneski iz brežiškega okraja. Nabral na Sromljah D. A. — Časopis za zgodovino in narodopisje, XI. Maribor, 1914, 164.
- ² Полное описание семантики *смага* в восточнославянских языках дано в книге Ф. П. Филина: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972, 600—602. Слово *смага* связывается преимущественно с юго-западными диалектами русского языка.
- ³ *Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika. Ljubljana, 1950, 24.
- ⁴ Картотека Пековского областного словаря. (Межкафедральный словарный кабинет филол. ф-та ЛГУ).
- ⁵ Ср. *Sławski F.* Oboczność *o*: *u* w językach słowiańskich. — Soc 18, 1947, 246—290.
- ⁶ *Machek V.* Slavisch-germanische Wortpaare. — ZfslPh XXII, 1954, 119.
- ⁷ *Brückner A.* N- und U-Doubletten im Slavischen. — KZ XLII, 1909, 364.
- ⁸ *Koschat H.* Die čakavische Mundart von Baumgarten im Burgenland. Wien, 1978, 225.
- ⁹ *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984, 36—37.
- ¹⁰ *Супрун А. Е.* *Апока*. — Веснік БДУ 2 1970, 83—84; *Варбот Ж. Ж.* Указ. соч., 164—167; *Ворыс В.* Prilozi sprskohrvatskoj etimologiji. — В кн.: Сборник за филологију и лингвистику. XXV/2. Нови сад, 1982, 12.
- ¹¹ Об этом же см. еще: *Варбот Ж. Ж.* Славянские этимологии. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 28—30.
- ¹² *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983, 55.
- ¹³ *Bezljaj F.* Slovenska vodna imena. II. Ljubljana, 1961, 61.